

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В «ЭПОХУ» ДИКТАТУРЫ КРИМИНАЛА

ПАНЧЕНКО Павел Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,

руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам

Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде,

заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород.

E-mail: panvest@mail.ru

Краткая аннотация: в статье показывается, что за последние примерно 25 лет преступность приобрела в нашей стране такой размах, что данный период (по ассоциации с известным словосочетанием) впору называть «эпохой» диктатуры криминала. В этих условиях сама по себе перестановка акцентов в уголовном законодательстве не дает ожидаемого результата. Обосновывается необходимость принятия системных мер по преодолению углубляющейся криминализации общества. Вносятся предложения по оптимальному сочетанию уголовно-правовых мер противодействия преступлениям с соответствующими мерами широкого социального плана, в том числе с мерами общего оздоровления морально-нравственной обстановки в стране.

The article shows that over the past 25 years crime had become in our country of such magnitude that the period (by association with the famous phrase) should be called the "epoch" dictatorship of crime. In these circumstances, is in itself a permutation of accents in the criminal law does not give the expected result. The necessity of adopting systematic measures to overcome the increasing criminalization of society. Proposals for the optimal combination of criminal law measures against crimes with appropriate measures of broad social plan, including measures the overall spiritual health situation in the country.

Ключевые слова: преступность; страна; размах; период; эпоха; диктатура; криминала; условия; акценты; законодательство; результат; меры; преодоление; криминализация; противодействие; преступления; план; оздоровление; обстановка; страна.

Crime; country; wingspan; period; the era; dictatorship; crime; conditions; accents; legislation; the result; measures; overcoming; criminalization; opposition; the crime; plan; recreation; environment; country.

Период небывалого разгула преступности, с одной стороны, и по существу снятие всяких преград на ее пути – с другой, начало чему положено в середине 80-х гг. прошлого столетия и что продолжается вот уже в течение более четверти века, вполне может характеризоваться (по ассоциации с известным словосочетанием) как «эпоха» диктатуры криминала. Причем динамика здесь явно тяготеет к отрицательным значениям, так как преступность завоевывает все новые позиции и все более обширные пространства – как территориальные, так и экономические, социальные, политические, иные. Она все увереннее берет верх над правом, причем практически по всем линиям их «взаимоотношений».

Достаточно сказать, что, несмотря на

широкое использование сырьевого ресурса, сравнительно быстрое увеличение наших золотовалютных резервов, внедрение новой техники и новых технологий, фактически сплошную компьютеризацию всех сфер жизнедеятельности, широкое использование нашими гражданами мобильных телефонов, существенное обновление и пополнение автомобильного парка, строительство новых дорог, вступление, наконец, России в ВТО, страна по-прежнему довольствуется второстепенными позициями в мире по показателям материальной обеспеченности людей, по их правам, жилищным и другим возможностям, в том числе касающимся сферы быта, услуг, отдыха, культуры. А это, безусловно, открывает новый простор преступности, обеспечивает ей активную будущность – на многие годы вперед.

В свою очередь, «бодрствующая», а в известной своей части и «воинствующая», преступность сводит практически на нет имеющиеся у нас отдельные успехи в экономике и делает фактически невозможным планирование и осуществление широкомасштабных социальных программ, в связи с чем она еще больше активизируется, превращая Россию в криминальное дно планеты.

В настоящее время стало совершенно очевидно, что та дань, которая выплачивается нами преступности, из года в год *увеличивается* и, кстати, по существу *беспрепятственно отмывается* – до рубля, до копейки. Причем сегодня в России отмываются не только те преступные приобретения, которые накапливаются у нас в стране, но и те, которые накапливаются за рубежом и мутным потоком приходят затем к нам. Наша страна стала для криминала по существу общемировой «прачечной». Теперь это такой «офшор», в котором человечество как бы убивает само себя, так как отмытые преступные приобретения, так или иначе, работают на криминал, который свободно шествует уже не только по бескрайним просторам нашей страны, но и по всему миру.

С учетом того, что наблюдаемое устойчивое тяготение ситуации к общекриминальной стабильно проявляется в течение вот уже более четверти века (с середины 80-х годов прошлого века) и каких-либо перспектив к преломлению ее к лучшему или хотя бы к менее отчетливому ее проявлению в ближайшем будущем не предвидится, можно действительно говорить о *целой эпохе* победного шествия криминала в нашей стране. Пресечь этот процесс, вырвать его с конями из нашей действительности – актуальная задача страны, если она действительно стремится сохранить себя на политической карте мира.

Конечно, эпохи обычно выделяются не по негативным, а по *позитивным* признакам (экономическим, социальным, политическим и т.д.), но если доминируют *негативные* признаки (сегодня уже невозможно найти у нас человека, который в течение года не оказался хотя бы раз обманутым, обворованным, ограбленным, избитым и т.п.), превращаются в главную «примету времени», придают обществу соот-

ветствующий общий отрицательный облик, формируют его крайне непривлекательную морально-нравственную «внешность», то закрывать на это глаза было бы просто нелепо. И, конечно же, непростительно.

Понятно, что трудно подозревать власть в каком-либо потакании преступности, покровительстве или попустительстве ей, а тем более в сговоре с ней. Скорее всего, здесь имеет место то же самое, что, в общем-то, и везде, а именно в экономике, социальной сфере, культуре, образовании, науке, других областях жизнедеятельности. То есть обычная наша российская безалаберность, непредусмотрительность, расчет на «авось», желание пройти дистанцию в «четыре четвери пути» за одну или даже, может быть, за половину ее четверти. Здесь налицо – системные проблемы. Данное обстоятельство неизбежно склоняет аналитиков к выводу о необходимости и системных их решений.

Вместе с тем, отчетливо просматривается здесь и выжидательная позиция. Например, применительно к экономике предлагается пока полагаться на нынешних ее «капитанов», а когда она (экономика) заработает во всю силу, жизнь сама выдвинет новых.

Распространена и такая точка зрения, что природные ресурсы надо пока оставить в частных руках, поскольку государство все еще не готово к тому, чтобы самому заниматься ими. Что же касается экспорта нефти, газа и других ресурсов, то пока это «добро» у нас есть, *надо* его тратить. А когда будут открыты новые виды энергии, займемся и ими – вместе с техническим и технологическим переоснащением предприятий.

И пока будем производить такие товары, какие можем производить. А научимся делать другие, будем делать и их. И будем, естественно, на всем экономить – по испытанному старому принципу: экономика должна быть экономной.

Оппозицию, конечно же, пригласим к сотрудничеству, но только после того, как она станет достаточно цивилизованной, конструктивной, правильной.

Преступность, если не считать терроризма, экстремизма, наркотизма и педофилии, заслуживает в целом более мягкого подхода – надо высвобождать колонии под промышленные предприятия, где, собственно, и должны

работать те, кто там ранее отбывал наказания.

Со своей стороны, полагаем, что такая «тактика» (тактика выжидания) – едва ли нужна. По существу это – путь «в никуда». Топтание экономики на месте и консервация социальных проблем только подхлестнет преступность. А, набирая обороты, она если и не разнесет страну, грубо говоря, «в клочья», то, во всяком случае, основательно ее потреплет. И еще не факт, что страна быстро после этого поправится. Напротив, в результате возможного обострения социальной напряженности, политических сил и ветвей власти может возникнуть угроза самому существованию нашего государства. Помня печальную судьбу бывшего СССР, надо предпринять все необходимые меры к тому, чтобы этого не допустить.

К началу второго десятилетия нового века стало совершенно очевидно, что само по себе свержение советской власти в октябре-декабре 1993 г. и установление власти приверженцев западных ценностей, преследовавших цель ликвидации в стране социализма и реставрации в ней капиталистических отношений, пока, как видим, не привело к желаемым позитивным результатам. И социализм до конца не повержен, и, судя по состоянию рынка, капиталистические отношения с трудом приживаются на российской почве. А поступающие к нам хваленные западные ценности оказываются довольно часто весьма сомнительного свойства – образно говоря, «с душком».

Бывший СССР, преобразования в котором реформаторами осуществлялись будто бы «из благих побуждений» (интеграция в мировую цивилизацию, технический и технологический прогресс, социальные блага т.п.), не только не стал новым США, Западной Европой, Японией или даже поднимающимся Китаем, но вообще ослаб, перестал существовать, распался, а под его обломками оказались погребенными многие наши собственные ценности, наработанные в течение более чем тысячелетнего развития.

На постсоветском пространстве появились во многом противостоящие друг другу государственные образования, которые в условиях конфронтации окончательно утратили былой экономический, социальный, культурный, образовательный, научный и иной позитивный

потенциал. Проматывая оставшиеся в наследство от бывшего СССР накопления, они в большинстве своем еле-еле держатся «на плаву» – в то время, как, скажем, тот же ранее «бедный и несчастный» Китай постепенно встает на ноги, поднимается могучим экономическим исполином, становится действительно великой мировой державой, все больше занимая «нишу» прекратившего существование Советского Союза.

Как считает В.В.Путин, СССР, к сожалению (он так говорит), не нужно восстанавливать. То есть, как можно понять политика, хотелось бы восстановить Союз, но... *не надо этого делать* – не только не получится, но и разойдемся еще больше. Так это или не так – рассудит история. Во всяком случае, «скорбный плач» по поводу распада Советского Союза к настоящему времени в обществе действительно несколько поутих – наверное, скорее всего потому, что все поняли: поднять со дна истории канувшую в Лету новую Атлантиду пока нашим лидерам действительно не под силу. Тем более, что сейчас, похоже, «трещит по всем швам» сама Россия, поскольку, как считает тот же В.В.Путин, «соткана» она пока еще, так сказать, «на живую нитку». Но совершенно очевидно, что заниматься сплочением всего бывшего постсоветского пространства, конечно же, надо. Потому, что если России все же и будет суждено последовать судьбе СССР, то это случится главным образом потому, что мы заниматься этим не будем.

Констатируя все это, необходимо отдавать себе отчет в том, что хотя период, в течение которого преступность приобретала и, в конце концов, приобрела характер криминального беспредела, действительно это эпоха, но, тем не менее, оснований для отчаяния, для того, чтобы кричать «Караул!», «Горим!», «Идем ко дну!», «Армагеддон!», «Нострадамус!», «Письмена Майя!» и т.д., на наш взгляд, нет. Надо только внимательно проанализировать сами истоки зла.

А началась падение, как известно, с горбачевской перестройки, то есть с середины 80-х гг. прошлого века. Президентство Б.Н. Ельцина только увеличило масштабы преступности, основательно пополнив его бандитизмом, терроризмом, экстремизмом, алкогольной и наркотической преступностью, педофилией – как физиологической, так и социальной (дети во мно-

гих случаях становились именно тогда изгоями общества), коррупцией, экономической преступностью, включая такие ее составляющие, как рейдерство, извлечение сверхприбылей, безлимитный экспорт ресурсов, «экономика» на зарплате людей труда, на качестве производимых товаров и оказываемых услуг, на технике безопасности, на осуществлении экологических, социальных и других подобных программ.

В лихие «90-е» получили свое развитие и традиционные (общеуголовные) преступления, в том числе такие, как, например, кражи, грабежи, разбойные нападения, вымогательства, мошенничества, присвоения, убийства.

Сферы торговли, услуг, взаимоотношений между субъектами экономической деятельности основательно пропитались обманом, коварством, изощренностью, ухищренностью и т.п.

Уже не спасает людей их повышенная бдительность, к которой постоянно призывают население руководители правоохранительных ведомств. Буквально везде и всюду каждого из нас подстерегают преступления.

Но не только граждане страдают от преступлений. Самым непосредственным образом страдают от них экономика и политика, культура и образование, наука и здравоохранение, многие другие сферы жизнедеятельности. И все это – дополнительный удар все по тому же человеку.

Как, например, расценить то, что из музейного фонда страны ежегодно расхищается до 500 тысяч единиц культурных ценностей?¹ Разворовывается память народа, то есть его память о самом себе. Это – ни что иное как самое настоящее убийство всех нас, потому что народ без памяти – это уже не народ. В лучшем случае это – население, причем население бездуховное, то есть такое, которому совсем легко сбиться с пути. И, может быть, даже погибнуть в водовороте истории – как погибли многие другие народы.

И здесь миссия власти особенно ответственна. Пусть на самом деле, как говорил некогда великий Конфуций, «и ответственность велика, и путь далек», но оставлять все, как

есть, нельзя. Нужны прорывы. И уголовный закон, как мы полагаем, еще не сказал в этом деле своего достаточно веского слова.

Понятно стремление государства в складывающихся условиях – по сильнее нажать на «педаль» уголовной репрессии, заострив ее средства до предельно возможной остроты. Основной вектор многих сотен поправок внесенных в действующее уголовное законодательство – именно повышение его строгости. Но неизбежно связанная с этим «убыль» трудовых ресурсов, усиливаемая отрицательной демографией, заставляет власть обращаться и к смягчению практической наказуемости (наказываемости) деяний криминального свойства – особенно тех, которые не сопряжены с насилием. Но это не может не приводить к росту преступлений, в том числе тех же насильственных.

Как разомкнуть этот круг? Сами по себе манипуляции с уголовным законодательством, какими бы рациональными они ни казались, не приведут к стабилизации правопорядка. Тем более, если они осуществляются произвольно, без основательной научной проработки, без комплексных программ наступления на преступность.

Как и раньше, сейчас это делается обычно «на глазок», так называемым «потолочным» способом, методом «проб и ошибок», то есть путем произвольных поисковых решений. И подчас случается так, что законодатель, внося в УК РФ те или иные изменения, стремится к одному результату, а реально наступает результат совершенно иной.

Вот один из примеров подобных законодательных шагов. Идя, если можно так выразиться, «навстречу» такому явлению, как все более широкое распространение сексуальных контактов между старшеклассниками и старшеклассницами (в возрасте до 16-и лет – это явление, кстати, наглядно отражено в известном телесериале Гай Германики «Школа»), в том числе – с их более старшими партнерами (в возрасте свыше 18-и лет), законодатель дополнил ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) примечанием следующего содержания: лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134

¹ Доронина Н. С чувством исторического достоинства. В госкаталоге Музейного фонда не учитывается до полумиллионов предметов в год // Росс. газ. 2011. 21 сентября. С. 11.

УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим.

В приведенном примечании отчетливо просматривается стремление законодателя помочь молодым людям, уже вступившим в интимные отношения, обрести семью, не препятствуя при этом ее образованию привлечением к уголовной ответственности более старшего участника взаимного полового влечения. Здесь мы опускаем рассуждения о «праве первой брачной ночи» (праве первым овладеть девственницей), которое, так сказать, в явочном порядке присвоило сегодня нынешнее поколение великовозрастных отпрысков представителей высших слоев общества, и обращаемся исключительно к юридической стороне проблемы.

А эта ее сторона включает, в частности, и такой вопрос – а зачем вообще понадобилось это примечание, если и без него имелись все необходимые правовые основания (ч. 1 ст. 75 УК РФ) для освобождения от уголовной ответственности (подчеркнем – освобождения не от наказания, а именно от уголовной ответственности) более взрослого участника интимных отношений. Тем более, если сам закон констатирует, что вступление в брак означает *утрату деянием и лицом, его совершившим, общественной опасности*. А ведь здесь надо учитывать еще и то, что *освобождение от уголовной ответственности* (в отличие от освобождения от наказания) не оставляет человека в статусе преступника. Оно означает признание лица не только не привлекавшимся к уголовной ответственности, но и вообще *не совершавшим никакого преступления*.

Данный пример как нельзя лучше убеждает в том, что поправки в УК РФ целесообразно вносить не «поодиночке» и не «от случая к случаю», а по блокам, системно, комплексно, с учетом взаимосвязи норм и, может быть, с вполне определенной установленной законом периодичностью (например, раз в год). И, конечно же, с предварительным опубликованием и широким обсуждением в прессе соответствующих законопроектов. Иначе мы постоянно будем «наткаться» на ситуации, метко харак-

теризуемые известными словами о том, что... «хотели как лучше...». Да и избежим в таком случае превращения уголовного законодательства в текущую и текучую правовую материю, которая не только не способствует правопорядку, но и, напротив, крайне отрицательно влияет на него, делает его «порядком» скорее для криминала, чем для законопослушных граждан.

Да и реальное количество уже внесенных в УК РФ изменений таково, что в настоящее время мы фактически (и, конечно же, юридически) имеем дело с совершенно иным в качественном отношении Уголовным кодексом – по сравнению с тем, который был принят в 1996 г. То есть количество внесенных в УК РФ поправок сегодня столь велико (общее их количество уже приближается к полутора тысячам), что оно уже придало ему совершенно новое качество. Остается только легализовать сложившееся положение, то есть принять действительно новый УК РФ. Но это должен быть именно *новый* Кодекс, а не Кодекс, оформленный лишь с учетом внесенных в него за истекшие более чем полутора десятилетия поправок (в среднем примерно по сто поправок в год).

Надо, как мы полагаем, не откладывая дело в «долгий ящик», создать, как минимум, три творческих коллектива, и на альтернативной основе подготовить соответствующее количество проектов. И пусть Государственная Дума разбирается с тем, какой из таких проектов более приемлем. А если ни один из них не будет признан достаточно добротным, то надо из всех их подготовить *один*, и «двинуть» его на рассмотрение Думы.

Основные направления работы над проектом нового УК РФ нам видятся такими – достаточно полный учет в уголовном законодательстве конституционных требований в области охраны важнейших ценностей жизни, общепризнанных принципов и норм международного права в области борьбы с преступностью, учет исторического и современного отечественного и зарубежного опыта, отход от архаистических терминов и фраз и, вместе с тем, обращение к терминам и фразам, характерным для современного русского языка, восполнение пробелов и дублирований в системе криминализации общественно опасных деяний, максимальная

«расшифровка» в диспозициях бланкетного их характера, широкое использование для целей совершенствования уголовного законодательства материалов судебной практики – как и вообще всех реалий уголовно-правовой действительности, включая уголовно-правовую деятельность в целом, учет состояния уголовного правосудия и системы уголовно-правовой юстиции, уголовно-правовой статистики, социологии и политики, реального состояния правопорядка, положений уголовно-правовой теории.

В принципе достаточно эффективная уголовно-правовая борьба с преступностью предполагает ответы на два традиционных для России вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Правильные ответы на них предполагают, в свою очередь, глубокое знание, с одной стороны, правовых, а с другой – экономических, социальных, политических и иных аспектов исследуемой проблемы. Данное обстоятельство требует рассмотрения этой проблемы, прежде всего, в двух ее ракурсах, а именно в ракурсе уголовного права как политики и в ракурсе политики как уголовного права.

Главное кредо уголовного права как политики выражается в том, что оно (уголовное право), являясь порождением государства и опираясь на его силу, преследует обеспечение в стране стабильного правопорядка. Именно в этом заключается главная политика уголовного права, то есть основное выражение уголовного права как политики – политики противодействия преступности в стране, а говоря короче – уголовной политики.

Стратегия уголовной политики состоит в снижении преступности и, следовательно, в укреплении правопорядка, в достаточно эффективной охране от преступлений важнейших ценностей жизни, в рациональном распределении сил и средств правоохранительных органов на направлениях их деятельности, в определении самой системы этих сил и средств и самих этих направлений, а также в правильном определении задач, принципов и методов данной деятельности.

С учетом и на основе всего этого соответствующие силы и средства должны функционировать. Необходимо поддержание всего уголовно-правоохранительного законодатель-

ства в надлежащем (рационально сформированном и эффективно работающем) состоянии. Требуется постоянное его совершенствование, рациональное и высокоэффективное сочетание в борьбе с преступностью уголовно-правовых средств со средствами всех других отраслей права, а всех их вместе – с нормами морали и нравственности, с возможностями в рассматриваемом плане экономики, культуры, педагогики, образования, культуры, науки и т.д.

Составной частью *стратегии* уголовной политики является также рациональное и высокоэффективное сочетание в борьбе с преступностью усилий правоохранительных органов с усилиями всех иных органов (государственных и муниципальных), а также с усилиями гражданского общества и всех граждан, населения, сосредоточение всех этих консолидированных усилий, прежде всего, на контроле правопорядка, на предотвращении, предупреждении и профилактике преступлений.

Что же касается тактики уголовной политики, то она состоит преимущественно в определении оптимальной уголовно-процессуальной практики, практики освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, которые того заслуживают, практики назначения и исполнения наказаний, практики адаптации осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, к условиям открытого пространства, рациональной организации применения в необходимых случаях к таким лицам мер административного надзора.

Не приходится сомневаться в том, что прежде чем добиваться от людей отказа от преступных форм и методов решения жизненных вопросов, надо сделать все необходимое для того, чтобы добиться отказа людей от того образа жизни, с которым они как бы сжились, свыклись, смирились, и который их как бы «устраивает», но неизбежно создает у них те или иные протестные настроения, в том числе ведущие к совершению преступлений. Нет в мире человека, который время от времени не намеревался совершить какое-либо преступление – как и человека, который хотя бы раз в жизни его реально не совершал. Поэтому все окружение человека должно располагать его к порядку и добропорядочному поведению. Если бы нам удалось это

сделать, то мы опять были бы «впереди планеты всей», но уже не только по балету, но и по всем остальным позитивным показателям.

Подобно тому, как каждая малейшая складка на небрежно заправленной солдатом казарменной кровати есть, как назидательно шутили старшины советского времени, «лазейка», в которой вполне может спрятаться любой «агент империализма», так и малейшие сбои в системе жизнеобеспечения человека могут (теперь уже без всяких шуток) послужить базой для появления тех или иных криминогенных факторов, которые при соответствующих условиях и обстоятельствах не замедлят проявиться. Поэтому государство должно намечать и последовательно проводить в жизнь программу «Здоровый образ жизни». Лейтмотивом этой программы должна стать идея о том, что у человека все должно быть прекрасным. И не только (как по А.П.Чехову) лицо, одежда и т.п., но и поведение.

Надо без всякого сожаления по всей стране снести бульдозерами все ветхое жилье (так называемые «гнилушки»), независимо от того, где они находятся - в городе, поселке, селе, деревне, хуторе, станице или в каком-либо ином населенном пункте. Добротное и достаточно просторное жилище - разумеется, с холодной и горячей водой, электричеством, газом, нормальными ванной, душем, туалетом, хорошо обустроенной прилегающей территорией, с доступной и достаточно хорошо оплачиваемой работой, необходимыми объектами сервиса, культуры, отдыха, физкультуры, спорта и т.п. - все это должно стать тем минимумом жизненных стандартов, которыми обязательно должен быть обеспечен каждый человек, независимо от того, хочет он этого сам, или пока еще он об этом вообще «не думал».

Дело, в конце концов, не в самих по себе «удобствах», а в том, что без их хотя бы самого элементарного набора нет человека - по крайней мере, в современном его понимании. Тут важно то, как себя человек будет себя вести - будет ли он совершать преступления, или же он совершать их не будет. Точно так же, как нельзя требовать, например, от коровы, чтобы она давала молоко, если ее не кормить, так нельзя требовать и от человека законопослушного образа жизни, если не создать ему все необходимые для этого условия. И невозможно требовать от человека,

чтобы он все это создал для себя сам. Он сам этого никогда не создаст. Ведь он всегда входит в этот мир как бы «опозданием» - до него уже многое создано, и ему остается лишь хорошо «вписаться» в сложившиеся до него условия жизни.

Власть должна, наконец-то, усвоить, что человек не может не воровать, не грабить, не убивать, не насиловать, не совершать многих других преступлений, если он считает себя обделенным теми или иными элементарными условиями, а тем более, если он и не стремится расставаться с теми, образно говоря, «мерзостями» жизни, которые неизбежно сопутствуют преступления. С другой же стороны, если человек всеми такими условиями достаточно хорошо обеспечен, то и объективно, и субъективно ему станет по существу невозможным не работать над своим внутренним миром, физическим и духовным самосовершенствованием, не пополнять имеющиеся знания всей доступной информацией, не оттачивать до блеска свое профессиональное мастерство - оно, в конце концов, для него - средство к существованию. Когда же, почему и зачем, собственно, совершать такому человеку преступления? Не будет у него такой потребности.

Но не только уголовное право должно постоянно осознать и проявлять себя в качестве определенной политики, но и политика, если она действительно стремится к стабильному правопорядку, повышению эффективности охраны от преступлений ценностей жизни, к успешной реализации намеченных планов модернизации страны, к поддержанию армии, флота и правоохранительных органов в хорошо работающем состоянии, должна поставить в эпицентр своего внимания уголовное право.

Здесь не должно быть такого, чтобы, например, руководство государства давало указание соответствующим структурам о переоснащении армии и флота новейшими видами вооружения, расширении сферы освоения космического пространства, реформировании правоохранительных органов, а воз, как говорится, оставался бы там же. Если руководство страны исходит из необходимости последовательного сокращения масштабов преступности, то преступность на самом деле должна именно снижаться. И снижаться не только на бумаге, в цифрах официальной статистики, в пафосных отчетах чиновников, но и на самом деле.